

Парадокс Тесея

Анна
Баснер

роман

Москва, 2024

альпина
ПРОЗА

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6-444
Б27

Редактор ТАТЬЯНА ТИМАКОВА

Баснер А.

Б27 Парадокс Тесея : [роман] / Анна Баснер. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 392 с.

ISBN 978-5-00223-232-1

Петербург. Парадные фасады, скрытые строительными сетками, увечные колонны, саднящие обвалы штукатурки. Желтый, грязный и величественный город зримо обращается в пыль. Группа сумасбродных партизан-реставраторов берется нелегально восстановить балльный зал в заброшенном особняке, а чтобы привлечь деньги, проводит дерзкую художественную акцию... Но что останется от них самих после этого? Город — пространство выбора, где люди узнают себе цену и лишь некоторые получают шанс на спасение.

Роман — гимн человеку деятельному, человеку неравнодушному — неожиданный и необходимый сейчас текст о мощи одиночки и о неизбежной отзывчивости мира даже на самое малое действие.

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6-444

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-232-1

© А. Баснер, 2024
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Глава первая

Нельсон смотрел сквозь решетку обезьянника. В конце коридора вопросительным знаком маячил участковый. Потерпевший — тихий рабочий, мигрант — полицейского взгляда избегал и отчаянно цеплялся за свою облезлую шапку. Как неловко-то вышло, растерянно думал Нельсон, ощупывая распухший сустав. Плечо обидно ныло. Лишь бы они не решили, что я его по признаку национальности.

Разумеется, это было совсем не так. Все началось утром, когда часы напрягли пружины и хрипло пробили половину десятого. К родителям нагрянули гости: вручили маме карельские пирожки-калитки с разваренным рисом, расселись на кухне и оживленно зазвенели фарфором. Разбуженный Нельсон в светском щебете участвовать не стал. Зевнул, цапнул с тарелки ржаную лепешку и невежливо смылся, пробормотав, что его ждут в мастерской. Ложь чистой воды — там он рассчитывал вздремнуть на широком продавленном диване, всегда покрытом тонким слоем глиняной пыли.

В гулком похмелье Нельсон вывалился из квартиры. Стены парадной непривычно лоснились. На прошлой неделе их густо, с пузырями, покрасили, и этот новый гляцевый

желтый слепил глаза, отдавал чем-то кислым на языке. Дом на улице Жуковского давно нуждался в ремонте, но пока старания маленького скуластого узбека вызывали у родителей невнятное раздражение наполовину с жалостью. Нельсону же до сегодняшнего утра было все равно.

Итак, он спускался, придерживая мутную голову. Внезапно из глубины лестничного пролета прогремел перфоратор — один настойчивый раскат, второй, третий. Послышалась возня, неясные ругательства, удары молотком. То, что им пытались разбить, явно сопротивлялось, но недолго. Раздался беспомощный керамический треск, будто кто-то расколол гигантское яйцо. Нельсон, который усилием воли художественно ограждал сознание от навязчивых звуков, похолодел.

Били метлах.

Путаясь в ногах и пропуская по несколько ступенек, Нельсон скатился на первый этаж. Действительно: рабочий ползал по выщербленному полу и собирал острые белоголубые осколки. Неподалеку осклабилась безобразная многоугольная дыра, нарушившая ровный ряд метлахской плитки. У противоположной стены высились замотанные в полиэтилен брикеты дешевого коричневого керамогранита — очевидно, на смену.

Услышав топот, ремонтник распрямил спину и обернулся.

— Ты что делаешь! — выпалил Нельсон. — Не трожь плитку!

Рабочий примирительно поднял руки. Из виноватой расплывчатой русской речи следовало, что он просит прощения за шум.

— Нет, ты не понимаешь, — перебил Нельсон, — это метлах. Историческая плитка. Больше ста лет назад положили. Нельзя ее менять!

Нельсон взял из рук озадаченного рабочего толстый обломок с неровными краями и перевернул его, продемонстрировав рельефный испод:

— Вот, посмотри. Буквы «с», «h». Клеймо Villeroy & Boch. Это очень хорошая плитка, тебе ведь даже сбить ее трудно. Не то что... — он указал подбородком на темную полиэтиленовую башню.

Рабочий энергично закивал.

— Очень хороший плитка, да, — повторил, коверкая окончания.

Нельсон медленно выдохнул. В левом виске забились едва ощутимые спазмы, предвестники близкой мигрени. Иной бы сказал: подумаешь, какая-то плитка... Но не Нельсон. Он, керамист, знал: такую производили в Германии на рубеже веков. Изначально — в одноименном городе Метлах, а конкретно эта партия из парадной, судя по штампу, приехала из соседнего Мерцига.

Ценным метлахом облицованы полы многих старинных особняков, доходных домов, вокзалов и больниц Петербурга. Типичный атрибут неоклассики и модерна, он лежал и в художественной академии, где Нельсон в свое время учился. Завкафедрой стекла и керамики, пышноусый прокуренный демагог, как-то целую лекцию посвятил достижениям немецких технологов — удивительной прочности материала, сверхстойкости цвета. Преподаватели подревнее любили вспоминать, как в послевоенные годы студенты занимались физкультурой прямо в большом зале, под разбомбленным куполом; плитка выдержала и бег трусой, и лыжи.

Перед выходом Нельсон оглянулся. Рабочий внимательно изучал обломок, водил пальцем по бугристому оттиску. Но стоило отвернуться и нажать на кнопку домофона, как за спиной снова сухо и безжалостно треснуло.

Хватит.

Он бросился назад и вырвал у ремонтника молоток. Тот неожиданно заорал, уцепился за инструмент и крепко дернул его на себя. Драчун из Нельсона был, по правде говоря, никудышный — весь его бойцовский опыт сводился

к бестолковым потасовкам с нетрезвыми интеллигентами в липких теснотах питерских баров. Зато он имел заметное преимущество в массе, поэтому с некоторыми усилиями смог рабочего опрокинуть, после чего сам, однако, потерял равновесие и завалился набок.

Свиваясь в дурацкий, неловкий человеческий узел, они катались по принесенной на чужих ботинках черствой апрельской грязи. Громко пыхтели, часто промахивались, молотили кулаками воздух. Нельсон расшиб плечо, узбек каким-то образом расквасил нос. В разные стороны летели теплые алые брызги. На крики некто открыл дверь квартиры, выпустив облако собачьего лая, театрально ахнул и спешно захлопнул.

Сколько времени они так провозились, неясно. Когда в парадную зашел участковый, оба, похоже, исчерпали скудные запасы боевых приемов и совершенно выдохлись. Нельсон лежал, раскинув руки, пялился в сводчатый потолок вестибюля и шумно заглывал мутный солнечный воздух. В косых лучах роилась ремонтная пыль. Пользуясь передышкой, рабочий отполз к стене, тяжело к ней привалился, запрокинул голову.

— Майор Ковалев, участковый уполномоченный, — прогрохотал полицейский. — Что тут устроили?

Нельсон приподнялся на локтях, сел. В левом плече неприятно стрельнуло. Он попытался взглянуть на сцену в подъезде глазами участкового.

Ситуация складывалась не в пользу Нельсона. В одном углу — сорокалетний мужик без видимых телесных повреждений, крепкий, бритоголовый, в чиненой тельняшке. Только длинная свалывшаяся борода-колосок выдает его принадлежность к богеме, а не к воздушно-десантным войскам. В другом — поскуливающий рабочий в забрызганном кровью неоновом жилете баюкает, бедолага, разбитый нос.

Нельсон машинально сунул руку в карман штанов и, не веря своей удаче, аккуратно извлек искривленную,

наполовину осыпавшуюся, чудом не сломавшуюся самокрутку. Шоркнул зажигалкой.

— Дмитрий Наумович Танельсон. Живу здесь, — сказал, глядя на участкового снизу вверх. — Спускался, вижу, историческую плитку уничтожают. Незаконно. Без согласия жильцов то есть, — торопливо добавил и на всякий случай улыбнулся.

На рыхлой носатой физиономии полицейского вдруг наметились белесые брови. Вероятно, по опыту майора Ковалева, ради сохранения архитектуры морды били редко. Но объяснить важность метлаха этому круглому человеку, похожему на слегка размятую толкушкой вареную картофелину, оказалось невозможно. Оживившееся было на секунду лицо быстро приобрело прежнее скупающее выражение.

— Теперь ты, — участковый повернулся к рабочему.

Бедняга тут же вжался в стену. В отличие от Нельсона, он, несомненно, испытывал ужас перед субъектом в форме. Даже на расстоянии нескольких метров было видно, как на смуглом лбу выступил пот. Крупные дрожащие капли стекали по лицу, мгновенно размывая грязь. Оставляли неровные полосы на небритых щеках и тощей шее с подвижным кадыком, пропитывали заношенную рубашку.

От страха рабочий растерял все известные ему русские слова, кроме «плитка», «мотолок» и «больна». Участковый закрыл глаза и прервал ломкую пронзительную несурязицу небрежным взмахом ладони.

— Чего сидим? — сказал он Нельсону, который нанизывал дымные кольца с запахом чернослива на кованный завиток перил. — В отделении разберемся. А ты шапку не забудь.

Узбек ринулся подобрать с пола свой замурзанный головной убор, каковой запросто можно было принять за умершую в глубокой старости в окружении скорбящих родственников подвальную крысу. Нельсон ненароком обменялся взглядом с майором Ковалевым, и тот еле заметно, почти по-приятельски ухмыльнулся.

Нельсон напрягал зрение, силясь разглядеть происходящее в коридоре. Сообщит ли рабочий майору что-нибудь вразумительное? Подаст ли заявление? И что теперь — штраф, арест? За избиение по национальному признаку, если верить интернету, можно влететь по полной. Нельсон скривился и проглотил ком, стоявший поперек пересохшего горла. Макушку стиснула боль. Вот она, душная похмельная мигрень, здравствуйте.

Он опустил на занозистую доску, привинченную к стене: единственный предмет аскетичной обстановки камеры. Стал вертеть в пальцах уцелевший метлахский восьмиугольник, который безотчетно унес из парадной. По-прежнему зверски хотелось спать, а еще — курить, но в холщовых складках многочисленных карманов нашлась лишь сладковатая табачная труха. Хоть телефон не отобрали. Да и вообще обыскали ну очень лениво. Видно, сочли никуда не годным преступником.

Неглубокий, полупрозрачный сон продлился недолго. Грубо лязгнула дверь. В камеру, где едва помещался Нельсон со своей поминутно разбухавшей головной болью, завели какого-то парня.

— Вы не имеете права, верните мои вещи! Телефон! — kloкотал тот. — Вы должны составить опись!

— Составим-составим, не переживайте. Вы пока здесь посидите, а мы как раз все опишем, — ласково отозвался конвоир.

Вибрирующий молодой человек позднего студенческого возраста крикнул что-то об адвокате вслед уплывшему по бурому линолеуму полицейскому тулову. У него было чутько опушенное лицо, крупные уши, за которые ненадежно зацепилась тонкая оправа очков. Высокий, нескладный, в мешковатой синей толстовке, скруглявшей по бокам худобу, — и тем не менее в насквозь интеллигентном облике читалась некая затаенная взбрычливость.

— Глеб, — вызывающе бросил он, все еще натянутый как тетива.

— Куришь? — с надеждой спросил Нельсон.

Глеб помотал головой. Нельсон вздохнул и, представившись, подал парню телефон. Тот помедлил, но взял — вероятно, посчитал мотивы сокамерника достойными. Наморщил лоб, припоминая номер, и принялся лихорадочно печатать.

Переписка Глеба распалила. Вскоре ее содержание, вскипев, выплеснулось из текста наружу. Время от времени примолкая, чтобы что-то еще напечатать, Глеб сообщил: он активист, копирайтер и филолог — именно в таком порядке. И без пяти минут политический заключенный, добавил он почти мечтательно. Далее последовали пылкие заявления о недопуске кандидатов, коррупции и государственном произволе. Как выяснилось, утром тридцатого апреля Глеб вышел с плакатом на очередной одиночный пикет к фонтану — мокрому гранитному шару на углу Невского проспекта и Малой Садовой. Собирался выразить позицию («Это нормально для современного правового государства!»), да только его мигом увезли в ОВД якобы для проверки документов.

— А тебя за что? — наконец поинтересовался Глеб.

Всем своим видом он выказывал готовность немедленно возмутиться любой, самой крохотной, тщедушной несправедливостью. Парень запыхался после тирады как бегун, не рассчитавший силы. Теперь он явно ощущал острое и не вполне взаимное сродство с собеседником.

Нельсон рассказал. История о керамисте, вступившемся за поруганный метлах, привела Глеба в восторг. Чтобы рассмотреть поближе керамический образец, он отложил телефон и даже не обратил внимания, когда аппарат загудел и забрякал сообщениями на деревянной скамейке.

— И что ты будешь делать? — спросил, подавшись вперед.

Нельсон молча пошарил взглядом по камере. Глеб протянул ему плитку:

— А ты можешь слепить такую? Ты ж гончар. Слепи и положи в парадной. Сам.

— Такую же — нет. Вручную — точно нет. Ее делали промышленными методами на гидравлических прессах. Порошковое сырье, до хрена компонентов... Нет, невозможно.

— А обязательно повторять состав? Все равно в грязи на полу не разберешь! Она должна просто выглядеть так же.

Энтузиазм Глеба был утомителен, однако пришлось признать — тот, в сущности, прав. Нельсон провел сухой ладонью по бритому затылку. Теоретически подновить плитку нетрудно. Да, она будет не такой прочной, как метлах, но внешне практически не отличить. Лет десять пролежит, разве что на нее прицельно что-нибудь не уронят. Например, философски подумал Нельсон, молоток. Мало ли что в парадных роняют.

— Ну положу я ее. И что? На следующий день придет тот же самый рабочий от управляющей компании и собьет. Толку?

— В управляющих компаниях такой бардак! Им плевать. У меня бабушка в прошлом году пыталась заставить их починить домофон. Она, между прочим, бывшая начальница лаборатории. Боевая старушка. На митинги со мной ходила! — Глеб весь заблестел, как начищенный фаянс. — Короче, неважно им, кто исполнитель и какой результат. Главное — получить подписанный акт о работах. У нас жильцы в итоге сами нашли подрядчика. Они там как-то между собой договорились с ремонтниками от ЖЭКа... Надо действовать! Брать инициативу в свои руки! Если не ты, то кто? Тем более впереди майские, никто работать не будет.

Удивительно, насколько эта юная непосредственная уверенность все же была обаятельна. И заразительна. Да и обстоятельства встречи располагали: то, что обсуждалось в камере, само собой обретало привкус революционной

решимости. Нельсон не успел придумать, как возразить, — по топкому линолеуму зашлепали шаги. Он схватил с лавки телефон и запихнул его в карман. Майор Ковалев повозился с ключами. Всхлипнули металлические петли.

— Танельсон, свободен, — сказал он.

Нельсон бестолково завис, глядя майору в широкую переносицу. Участковый продолжил с глумливым восхищением:

— Ты у нас, оказывается, рабочих не обижаешь. Два часа я на него угробил. Заявление писать не будем, побои снимать не хотим. Какие, говорит, побои, я упал с лестница на лицо, а он меня поднимал, но тоже упал, да, — майор довольно точно изобразил акцент узбека и гниловато хохотнул. — Все упали, драки не было. И шапку эту свою дебильную треплет. Боится, разрешение на работу спрошу. А у меня что, дел других нет?

Оцепенение быстро прошло. Нельсон вскочил на ноги. От резкого подъема в голове зашумело море, будто он поднес к ушам сразу две колючие, снятые с пианино крымские раковины. Он повернулся к Глебу и пожал ему руку.

Уже у выхода Нельсона догнал крик:

— Оранжевый жилет надень, чтоб ни у кого не было вопросов. И ни в чем не сомневайся!

* * *

Солнце медными кимвалами било в окна сонных домов и в каждом будило маленькое вздрагивающее небо. В перспективе улицы Пестеля из разреженной молодой листвы вздымался тугой соборный купол с золотым высверком креста. Снег давно и покорно сошел, лишь изредка под ногой лопалась случайная ледяная корочка, последняя примета немощных ночных холодов.

Под балконами шурились угрюмые кариатиды, потемневшие за зиму на пару тонов. Они нехотя стряхивали

с себя морок и косились на повреждения фасадов: увечные колонны, перебинтованные строительной сеткой, саднящие обвалы штукатурки, лепные младенческие личики, выбеленные лучами, все в оспинах.

Весна в Петербурге ветреная, но после душной камеры Нельсон лишь порадовался прохладе. В воздухе мешались запахи прелой прошлогодней травы, сырой земли, мокрого камня и еще чего-то свежего, вроде разрезанного огурца. Впереди на длинной худощавой фигуре парусом вздулся серый плащ. Человек-мачта с третьей попытки вытащил сигареты из вертлявого кармана, Нельсон прибавил шаг. Ему опять не повезло — незнакомец смял пачку и бросил в ближайшую урну. Впрочем, до мастерской, где хранился кое-какой запасец табака, оставалось пятнадцать минут проходными дворами.

Несмотря на откровенно разгильдяйский образ жизни, проблем с законом Нельсон никогда не имел. Максимум — как-то раз, еще в восьмидесятых, прятался от одышливого сторожа Михайловского замка, куда ночью влез с одноклассниками через дыру в ограде. Да и сегодняшнее посещение отделения едва ли можно квалифицировать как проблему с законом. Казалось, даже полицейские, которые его оформляли, делали это понарошку, не всерьез, и говорили с ним не по-ментовски приветливо.

При всей комичности происшествия одна деталь не на шутку озадачивала: внезапное желание пустить в ход кулаки. Нельсон привык считать себя по природе миролюбивым, в чем-то, может, и бесхребетным, а тут — на тебе, такая решительность. Странно. Немного стыдно. Но и, что уж, по-своему упоительно. Интересно, эта ли убежденность в собственной правоте толкает Глеба на его митинги? К этому ли чувству довольства собой, звучному и сверкающему, как духовой оркестр, он стремится?

На радость, мастерская пустовала: ни керамистов, с которыми Нельсон делил аренду, ни их учеников. Нельсон

тоже пробовал вести занятия, правда безуспешно: то и дело опаздывал или забывал. К тому же преподавать он совершенно не умел, вместо объяснений сам брался за глину, чем сводил к нулю и без того скудный педагогический эффект. Дольше всех из его подопечных продержалась одна немолодая амбициозная дама. После каждого урока, затяжного и неуклюжего, она что-то строчила в блокноте под оранжевой обложкой из искусственной кожи, а еще приносила глупые эскизы авторских украшений, но, не найдя на безмятежном лице учителя признаков скрытой зависти к ее творческому гению, сдалась.

Мастерская занимала несколько комнат на цокольном этаже. Преподавали в первой от входа, за массивным столом для ручной лепки или за гончарными кругами — четыре агрегата, отгороженные плексигласом, в шашечном порядке выстроились в углу вдоль стены. По периметру замерли с хрупкой ношей стеллажи из необработанной сосны. На них, пихая друг друга боками, толклись наивные ученические работы — бессчетные шеренги вазочек с кривыми шеями, всякие бесполезные плоски и крыночки, штук двадцать пузатых горшочков. На нижней полке, свесив ножки, сидели симпатичные уродцы, каких обычно делают дети. Ушастые и лупоглазые, они вопросительно глядели на проходящих — вдруг те заберут домой (забирали редко). Особое место мастера отвели немногочисленным изделиям учеников продвинутого уровня: цветущим лиловой и персиковой глазурью чашкам, лощеным плодам граната, набору для завтрака из охристой шамотной глины, в котором предусмотрели даже подставку под яичко.

Поскольку в этой комнате чаще всего собирались посетители, она была самой прибранной, самой милой, из всех сил располагавшей к себе. Уютные предметики — карамельно мерцавшие под потолком гирлянды, грифельная доска с меловыми рисунками, веточки сушеной лаванды — будто бесхитростно говорили: тут царит творческий процесс.

Каков он на самом деле, можно было увидеть, пройдя дальше по коридору, мимо мойки, туда, где работали мастера. Размером вторая комната незначительно уступала учебной, но казалась очень тесной — от захламленности. Всюду, куда ни глянь, лежала мокрая ветошь, в которую заворачивали глину, чтобы не высыхала, груды кустарного инструмента, жестяные банки, ошметинившиеся кистями, сыпучие пигменты и глазури в сплюснутых мешках. На заваленном бараклом подоконнике из кашпо тянулся щупальцами к свету Филимон — многолетнее алоэ не помирало исключительно благодаря устойчивости своего вида к засухам. Исполинская электрическая печь для обжига искажала пространство хромированными бортами (вот кто истинная хозяйка комнаты, остальные — так, приживалы).

Все здесь было рябое, в бурых пятнах и белых потеках: и кафель на стенах, на котором не рассмотреть узора, и старые школьные стулья на коротких полозьях, и настольные лампы. Уж до чего хорошо Нельсон знал помещение, но все равно чуть не опрокинул ведро с мутной остывшей водой — на дне глухо гроыхнули мастерки, стеки и бог весть какой еще инструмент.

Нельсон сел за рабочий стол. Нашарил под мятыми эскизами полупустую пачку табака, скрутил папироску. Взгляд упал на плотный спекшийся бисквит из каменной массы, приготовленный кем-то из мастеров к росписи. Такой материал, прочный и тугоплавкий, подошел бы для пола, невольно подумал Нельсон. Слова Глеба об оранжевом жилете не выходили из головы. Парень дело говорил. Чтобы восполнить утраты в парадной, хватит десятка плиток, с запасом.

Однако все не так просто. Будь это обычная плитка, Нельсон одолжил бы готовую форму у коллег, да только это узнаваемые метлахские восьмиугольники, которые образуют на стыках квадраты. Надо отливать специальные гипсовые формы. И начинать прямо сейчас. Долгие

майские — замечательно, конечно, но предстоит кучу всего успеть: вылепить, просушить, обжечь, расписать и снова обжечь.

Взяв плитку из парадной за образец, Нельсон выточил несколько деревянных моделей. Смазал их взбитой кипяченой смесью туалетного мыла и растительного масла (перво дело намажь, изымутся шибче, советовал мастер усольской игрушки, сердитый сибиряк, напоминавший сушеный белый гриб; Нельсон когда-то выведал у него технологию за тарелкой щей). Листы фанеры он временно скрепил пружинными зажимами. Поместил блестящие от смазки модели в эту наспех собранную опалубку и до краев залил ее замешанным на воде гипсом.

Густое сероватое тесто схватывалось на глазах, но окончательно форма затвердеет лишь через пару-тройку часов. И славно — пока сушится гипс, можно наконец прилечь. К рабочей зоне примыкало совсем уж крошечное помещенье для отдыха. Нельсон растянулся на диване, хрустнул всеми суставами и обмяк.

Под закрытыми веками, как на экране, крутились события последних суток. Вот приятель Нельсона, доктор Врач, отечный рыжеватый медик, ни имени, ни профиля которого никто не знал, сообщает, что дежурит в ночную смену. Вот Нельсон в хирургическом колпаке набекрень с развязным артистизмом рассказывает вусмерть влюбленной в него медсестричке о поездке автостопом в Баку. Вот рдеет прозрачный пакет дешевого вина, подвешенный на инфузионную стойку на манер капельницы; оно щиплет и горько перекачивается во рту. Вот доктор Врач приносит роковую канистру разведенного медицинского спирта, вот кто-то, матерясь, бесцеремонно трясет Нельсона за плечо, и он бредет досыпать к родителям, вот — дальше пленка ускори-лась — битый метлах, картофельная полицейская рожа, Глеб почему-то спрашивает, когда же они пойдут на митинг...

Нельсон крепко спал.

Работа слизнула майские, точно сладостен — капли варенья с блюда.

Когда формы были готовы, Нельсон взялся за плитку. Резал струной белую пластичную массу, сминал, бросал из ладони в ладонь, выгоняя воздух, вдавливал мягкие комки пальцами в гипс. Работал с удовольствием — ему всегда больше нравилось лепить вручную. Гончарный круг, инструмент перфекционистов и зануд, требовал абсолютной точности движений и в ответ выдавал надутую, чопорную, будто не знавшую прикосновений посуду. Капризной глине, скользко вращавшейся на круте, Нельсон предпочитал глину покладистую, которую можно мять, сжимать и валять.

В формах сырые глиняные заготовки сушились сутки. Чтобы рисунок прослужил как можно дольше, Нельсон, изрядно повозившись с цветопробами, нанес узор из геометрических голубых четырехлистников прямо на необработанную поверхность. Для прорисовки мелких деталей он выбрал любимую тонкую кисть, склеенную из березовой палочки и шерсти домашнего кота, плоскомордого перса по кличке Каспаров. Родители тогда жутко возмущались, обнаружив в рыжем меху проплешины... Но Каспаров, получивший мзду в виде сметанной крышки, против выстриженного клока не возражал.

Расписанные и выглаженные влажной губкой плитки, уже без трещинок и неровностей по краям, отправлялись в печь. Первый обжиг — утильный, крещение огнем. Не только придание прочности, но и проверка на прочность: если по неаккуратности оставить где-то в порах глины воздушные пузырьки, изделие расколется. Бывало, так гибли ученические работы, и мастера специально не выкидывали черепки — наглядно объясняли новичкам, чем чревата небрежная обминка материала.

Даже Нельсон, керамист опытный и терпеливый (не по причине личной выдержки, а от здорового

философского пофигизма), всякий раз загрузив сырец в камеру, с некоторым волнением расхаживал вокруг басовито гудящей печи. Томился, пока она остывала и изделия внутри были одновременно живыми и мертвыми. Открыть печь раньше срока — значит создать фатальный перепад температур. Приходилось ждать.

После первого обжига перед Нельсоном встал вопрос, покрывать ли плиточный полуфабрикат глазурью для защиты цвета. Так-то метлах не глазурировали: за счет особого состава красящий пигмент уходил глубоко, почти на половину толщины плитки. Потому ее поверхность и не тускнела от тысяч шагов и шарканий в дореволюционных парадных — на месте стертого слоя проступал следующий, нетронутый. В условиях мастерской, однако, технологию немецких заводов воспроизвести было проблематично. Нельсон мудрить не стал и залил плитку прозрачной матовой глазурью.

После второго, политого, обжига фальшметлах был готов. Нельсон с нараставшей гордостью любовался делом своих рук. Исторический образец из парадной рядом с чистенькими и пригожими, в буквальном смысле свежеиспеченными, плитками заметно поблек — ни дать ни взять подурневшая с годами жена художника на фоне портретов, написанных в юности. Нельсон даже задумался, не состарить ли ему новую плитку искусственно, но она была настолько прянично хороша, что он не решился. Наверное, если основательно отдраить пол в парадной, разница будет не так сильно бросаться в глаза, а со временем вовсе исчезнет.

* * *

Первого рабочего понедельника керамист ждал с зудящим волнением в желудке. Азарт, разыгравшийся за лепкой, не унимался и теперь подгонял скорее положить плитку.

Больше всего Нельсон, естественно, опасался, что узбек за каким-то чертом решит поработать в праздники и увеличит масштаб разрушений. И зря — тот, видно, еще не оправился от их бездарной драки и держался от парадной на Жуковского подальше.

В день икс Нельсон вышел из родительской квартиры, сжимая горячей ладонью бутылку водки за прохладное горлышко. План был прост: помириться с рабочим, подпоить его, чтобы был поговорчивей, и убедить подписать в ЖЭКе акт сдачи работ. Класть самодельный метлах точно нужно самому — еще кокнет. И не забыть про жилет. Да, план был прост, но почему-то уверенность таяла с каждой ступенькой, и к первому этажу ее не осталось совсем. Может, ремонтник сегодня вообще не придет?

Узбек пришел. Завидев Нельсона, застыл на месте. Вдруг подобрался всем телом, округлил глаза, издал высокий гортанный звук — приготовился то ли напасть, то ли пуститься наутек. Плечи сузились, а локти плотно прижались к бокам, отчего маленький рабочий сделался еще меньше, чем раньше. Нельсон, не теряя времени, выставил перед собой водку:

— Я с миром. Деремся мы, прямо скажем, так себе. Давай лучше выпьем. И поговорим.

Рабочий нервно моргнул, облизнул обветренные губы, слотнул. Вид вкусно запотевшей бутылки, поигрывающей на свету радужным бликом, его заворожил, но обриту налысо типу, державшему ее в руках, он явно не доверял.

— Ну же, — вполголоса продолжил Нельсон. — Я Нельсон. Тебя как зовут?

— Юсуф...

Ремонтник немного расслабился, сбивчивое дыхание выровнялось. Стоило, правда, шагнуть в его сторону, как он опять весь сжался, будто тело враз свело судорогой. Нельсон отступил.

— День весны и труда отметим в конце концов? — уже не надеясь на успех, предложил он.

Идея отпраздновать пять дней назад минувший Первомай воодушевления не вызвала. Юсуф почесал заросшую щеку и, приосанившись, важно сказал:

— Нэльзя. Рамадан.

Нельсон мысленно обругал себя. Досада обожгла за ушами. Не подумал. Более того, оказался совершенно не готов, что шитый белыми нитками план порвется так скоро, так близко от развороченного пола, где они друг дружку лупцевали. И тут он вспомнил.

— Юсуф, а почему ты заявление на меня не написал? В отделении. У тебя что-то с документами?

Рабочий забежал взглядом. Нельсон не торопился. Наблюдал, как тот беспокойно мнет натруженные руки, сплетает и расплетает корявые пальцы.

— У мэня нэт мэдицинский страховка, — колебавшись, признался Юсуф, — потэрял. Нэ знаю, гдэ взять. Если узнают, штраф дадут или скажут уехат.

Вот оно что. Нельсон расправил грудь и глубоко вдохнул. Полис обойдется рублей в пятьсот, с телефона — минутное дело. Оформит сейчас, при нем, распечатает наверху, а отдаст только после того, как рабочий подпишет акт.

Юсуф в изумлении вскинул брови, но на сделку согласился охотно. Окрыленный, поспешил к выходу из парадной, жестом пригласил Нельсона следовать за ним. Во дворе брякнул горстью ключей о неприметную выкрашенную в цвет стены дверь, за которой скрывалась дворницкая каморка без окон. Там как-то разместились провисшая раскладушка, свернутый в рулон молельный коврик, две хлипкие табуретки и стол, покрытый клеенкой в крупный пурпурный горох. На нем в эмалированной кружке болтался электрический кипятильник, выворотив за край спутанную лапшу шнура. Судя по скупому набору предметов, по противоестественной пустоте тесной комнатки и почти полному отсутствию запахов, здесь не жили: оставляли вещи, может, изредка спали.

Покопавшись в рюкзаке, спрятанном под раскладушкой, Юсуф достал несвежий,дохнувший тоской по дому паспорт. Из него выпала семейная фотография с бледными заломами. Пока Нельсон вбивал данные в телефоне, Юсуф рассказывал, зажевывая одни слова, а другие как бы слегка пропевая, о себе, о жене, ждавшей в кишлаке под Ташкентом, о том, как водил детей в музей показать доспехи (Амира? Или Тимура?), и что-то еще про цены на автомобили. Нельсон рассеянно кивал.

Обтрепанный оранжевый жилет был единственным условием, на которое Юсуф пошел не сразу — казенный, как-никак. Нельсон заверил, что обязательно занесет его вместе с распечатанной страховкой.

Позже, на пороге, Нельсон всмотрелся в заштрихованное морщинами лицо Юсуфа с почти зажившей розовой кожицей вокруг горбатого носа и, возможно, впервые надолго встретился с ним взглядом. Этот человек, его ровесник, знал цену труду, принимал, что мир бывает справедливым и не очень, и, как любой, кто много месяцев мается вдали от родных, хранил в глубине души непреходящую печаль и несгибаемую веру.

— Хороший ты мужик, Юсуф, — вырвалось неожиданно. — Прости за нос.

Шелестнув на животе липучками жилета, Нельсон вышел.

Все необходимое он заранее приготовил в коридоре родительской квартиры и теперь быстро спустил к пролomu на первый этаж: зубчатый шпатель, бадью с раствором, кудлатую швабру в мыльной, стрелявшей пузырями воде. Даже миниатюрные пластиковые крестики, с помощью которых выравнивают межплиточные швы. Их Нельсон трижды проклял, собирая по всему подъезду, после того как неудачно, с хлопком, вскрыл упругий пакетик и они, словно кузнечики, застрекотали по замызганному полу.

Прежде чем положить первый рукотворный кусочек метла, Нельсон на мгновение задержал взгляд на оборотной

стороне. Внизу, под бороздами, которые он сделал стеком по непропеченной глине, чтобы лучше схватился раствор при кладке, была выдавлена буква «N». Авторское клеймо, как на всей прочей керамике Нельсона. Глупость, прихоть художника, никто и никогда не опознает его по этой отметке, но она будто сообщала действиям Нельсона оттенок какой-то особой реальности и безвозвратности. Закрепляла за ним право — и личную ответственность — делать то, что он делал. Право ни в чем не сомневаться, как напутствовал Глеб.

Сомнений больше не осталось.

Плитка за плиткой угловатая рана постепенно затягивалась. Надо же, как просто. Всего лишь починить то, что сломано, — и удовлетворение гарантировано. Вот такой он скромный герой.

Тут голодным комаром в ухо проник писк домофона. В парадную, охая пакетами и волоча за собой нечесаную болонку, вошла соседка, крючковатая старушка с фиолетовым пухом на голове. Старая блюстительница порядка. Нельсон был уверен, что именно она тогда вызвала участкового. Меньше всего сейчас хотелось привлечь ее внимание. Тем временем собачонка натянула поводок и затряслась в хриплом противном лае.

Попался.

— Замолчи уже, пожалуйста, что ты разгавкалась, — старушка оттаскивала болонку, та с поразительной силой сопротивлялась. Ну просто Самсон, укрощающий льва. — Не видишь, человек работает?

Собачонка поддалась, и парочка, шурша, поплелась наверх. Нельсон растерянно проводил их взглядом. Он готов был поклясться, что в какой-то момент соседка посмотрела на него в упор. Однако того хищного выражения лица, с которым старушка обыкновенно гоняла раздухарившихся подростков во дворе, не возникло: безыскусно нарисованная бровь не изогнулась, ноздри не дрогнули, тень недоумения

не затиюла лоб. Похоже, она его не узнала. Нельсон, конечно, изрядно запылился, но как так вышло? Не могла соседка его не идентифицировать, он ведь еще мальчишкой ее донимал — давил на дверной звонок и, гогоча, убегал...

Внезапно Нельсон сообразил: дело в жилете. Этот яркий светоотражающий жилет, призванный делать рабочих предельно приметными, парадоксальным образом достигал обратного. Люди видели жилет — но за ним не видели никого.

Следующие несколько часов Нельсон проверял свою гипотезу. Закончил к вечеру. Работал, больше не таясь от жильцов: страстно скреб, иногда что-нибудь громко ронял, у кого-то на пути нарочно клал инструмент. Никому не было до него дела. Никто его не узнавал.

В жилете он человек-невидимка. И может делать все, что захочет.

Глава вторая

Мама распахнула дверь комнаты. Нельсон оторвался от залистанного альбома майолик Врубеля. На развороте притворно хмурилась волоокая Морская царевна, подпиравшая изумрудную щеку крепкой короткопалой ладонью.

— Сколько можно тебе говорить, унеси в мастерскую эту гадость, — ровным голосом сказала мама.

Этот тихий, почти бесцветный тон не предвещал ничего хорошего. Посторонний человек, пожалуй, не придавал бы ему значения, но Нельсон, наученный горьким опытом, почувствовал: надо тикать. Когда мама, обладавшая от природы жизнерадостным и бурливым темпераментом, сердилась по-настоящему, ее звонкий девичий голос звучал глухо и отдаленно. Глас шторма, подтрунивал над ней отец, имея в виду ту область зловещего затишья в самом центре урагана, которую синоптики называют глазом бури.

Бежать, однако, было некуда. Мама стремительно пересекла комнату и занесла руку с явным намерением шарахнуть чем-то по тумбочке. В последний момент передумала, смягчилась и бережно поставила перед Нельсоном изящную чашечку — белянскую, тонкостенную, с золоченой каймой, сделанную в лучших традициях какого-нибудь Императорского

фарфорового завода. Нельсон по-идиотски заулыбался. Мама фыркнула. С величественным и оскорбленным видом отбыла на кухню, бормоча: «Сил никаких на тебя нет».

Из элегантной чайной посудинки смущенно выглядывал крошечный, сморщенный, анатомически точный керамический фаллос.

Пошлая керамика была предметом давних семейных разногласий. Поначалу Нельсон ваял ее, так сказать, для души. Чтобы поднять себе тонус, когда уставал от обилия миленьких и действительно пошлых вещиц, которыми зарабатывал себе на жизнь. Из его рук выходила всякая мелочовка, заполнявшая полки сувенирных лавок, цветочных подвалов, сетевых книжных магазинов, где продавалось все меньше книг. Прелестные пустяковины для романтически настроенных туристов, уверенных, что приобрели фрагмент подлинного города, нечто «интеллигентское», кусочек петербургского снобизма. Это были фигурки эрмитажных котов, керамические таблички, цитирующие Достоевского, тарелки, расписанные корюшкой и чайками Новой Голландии, значки из полимерной глины с суровой головой Петра и прочая осточертевшая подарочная дрянь.

Изысканная посуда, декорированная гениталиями, стала внутренним протестом, шуткой для самого себя. Мало-помалу ее набралось на целый разнузданный сервиз. Однажды Нельсон совершенно случайно оставил пару экземпляров на кухне и, к своему глубочайшему удовлетворению, чуть не сорвал дежурный мамин банкет. Оказалось, вывести из душевного равновесия благородных гостей ну очень смешно.

Реагировали на внезапную «эротику» по-всякому. Многие просто смущались. Бывали и казусы: церемонные филармонические дамы вдруг раздражались матерным словом, отставные военные цепенели и заливались краской, а один нудный бухгалтер сперва глупо хихикнул, а потом еще минут десять икал.

Скабрзная керамика кочевала туда-сюда между домом и мастерской. После третьего инцидента с «нечаянно забытыми» работами мама почуяла неладное и теперь была на чеку — тем интереснее стало подсунуть гостю очередную крамольную чашечку или плошку. Нельсон проявлял изобретательность, делал близкие копии имевшейся на кухне посуды или искал места, откуда визитер сам мог взять кружку, не дожидаясь хозяйки.

Отец лишь посмеивался. Его друзья, по преимуществу коллеги-медики, ценили телесный юмор. На провокации не велись, тут же принимались цинично рассказывать за столом какую-нибудь свежую врачебную байку. Мама, которая за сорок лет брака с хирургом так и не привыкла к натуралистичным подробностям, картинно негодовала, с грохотом ставила на плиту чайник. Но и сама не выдерживала — тоже хихикала на особо курьезных сценах.

* * *

Нельсон зашел на кухню под плетеный свет абажура. Отец с аппетитом доедал копченую миногу. Нельсона передернуло — он искренне не понимал, как можно есть этих круглоротых зубастых тварей прямоком из книг Фрэнка Герберта. Мама раздраженно трясла вскрытым пакетом, выпуская в конфетницу сияющий малиновый каскад в серебристо шуршащих обертках. Вот как она нашла контрабандную чашку — полезла в буфет за безвкусной ладьей чешского хрусталя.

— Опять ты со своим творчеством, — пробурчала мама, выравнивая верхний слой конфет. Впрочем, по удлинившимся лучикам возле глаз было ясно, что она больше не сердится. — Неужели не надоело? Как ребенок, честное слово.

Срочно требовался кофе. Нельсон потянулся за туркой, согнав Каспарова, который балансировал хвостом на спинке стула. Мама обратилась к отцу:

— Это ты во всем виноват. Ничего святого у сына не осталось. С вашими эскулапскими разговорами человеческое тело утратило красоту, сакральность. Тарелку дай.

— Правду говорил Жванецкий: женщину скандал не портит, а освежает, — хмыкнул отец, восхищенно глядя на нее.

Нельсон любил родителей. За их поверхностную непохожесть при глубоком душевном родстве, за нежные перепалки и, сильнее всего, за феноменальную терпимость к его расхлябанному быту и всегдашней жизненной неустроенности.

Им, очевидно, было непросто. Когда-то Танельсоны живо представляли себе сына в белом халате, к тому же маленький Митя (Нельсоном он станет много позже) подавал надежды. Мальчик подолгу рассматривал, исходя гадливым любопытством, отцовские медицинские справочники: тучные бордово-синие внутренности, затейливые сочленения костей в ажуре латыни. К вящей гордости родителей, на уроках труда лепил не кошечек и собачек, а всякие *Corpus Ventriculi* и *Vesica Fellea*. Потом, однако, переключился с органов человека на пластилиновых динозавров, а следом — на египетского вида статуэтки со звериными головами. Выяснилось, что главным в этом странном занятии было, увы, «лепить». Но и тут они его поддерживали: определили в художественную школу, затем — в академию.

В студенческие годы Нельсон нечасто бывал дома. Зависал в общежитиях, съезжался и разъезжался с девушками (иногда с одними и теми же по несколько раз). Возникал без предупреждения, виновато улыбался, просил денег, обещал взяться за ум и опять пропадал где-нибудь под Калугой в реве музыкального фестиваля. Как-то исчез на целую зиму: никому не сказав, нанялся сторожем кронштадтского форта. Впрочем, до конца свою добровольную ссылку не довел — заскучал и бросил. После тридцати родители махнули рукой на его безденежное ремесло со спонтанными подработками и богемную тусовку, состоявшую из таких же, как он, пустоголовых друзей. После сорока — на отсутствие

жены и самого намерения жениться. Разве что рассчитывали на случайное, по недосмотру, появление внука.

Он всегда к ним возвращался. В родительской квартире на Жуковского было по-особому тепло, даже когда стылый зимний воздух просачивался сквозь рамы плохо заклеенных окон и судорогой шел по ногам. Или сейчас, в неустойчивом мае — сегодня баня, на завтра прогноз плюс десять, — но скудоумные коммунальщики взяли и выключили отопление.

Что его здесь согревало? Может, трогательный беспорядок, который вырастал сам собой на любой плоскости: вот валяется на столе мамино вязание, кончик спицы попал в варенье, под газетой притаились очки, сверху — карнавальная маска козы... Почему? Ой, так вышло, не спрашивай. А может, и то, что повсюду громоздились книги — где торчал корешок, где приподнимала крыло обложка. А может, секрет в железном правиле: гость, в том числе незваный, должен быть немедленно напоен минимум двумя чашками чая вне зависимости от времени суток... Не дом, а караван-сарай, ей-богу.

Как и все гении места, родители путешествовали мало, срастались тихонько с квартирой. Отец был прочно привязан к Первому меду, мама занималась на дому переводами. Тем более им, наверное, был непонятен их неприкаянный сын. Однако — Нельсон знал твердо — это абсолютно не мешало им его любить. И терпеть.

Возможно, правда, то было вовсе не терпение, а выученная беспомощность — мягкое безразличие, к которому приходят родители всех непутевых детей. словно флисовое одеяло на птичьей клетке, оно глушит пронзительное, отчаянно бьющееся: «Где мы ошиблись, что сделали не так?» Но об этом Нельсон предпочитал не думать, как старался не замечать, что мама рано поседела, а отец деликатно отказывается от всякого предложения помощи и давно уже сам сына ни о чем не просит.

— Савва-то совсем сник. Ты часом не навещал его, Митя? — услышал Нельсон свое домашнее имя. Отвлекся, а меж тем родители убрали тарелки и желали общаться.

Искусствовед Савва, он же Савелий Петрович Диденко, был другом семьи. Нельсон не помнил, как тот впервые попал к Танельсонам — вероятно, в составе большой, хаотично собранной из разных пород компании, какие закатывались порой на Жуковского. Довольно скоро он стал постоянным гостем на родительской кухне. Причина проста: Савва преподавал историю искусств в художественной академии, и мама верила, что мудрый наставник поможет мальчику вылепить из себя, как из гончарной глины, что-нибудь толковое. В итоге Нельсон окончил учебу, толковей не сделался, но обрел ментора, а родители здорово сдружились с этим очаровательно манерным, немного рассеянным доцентом.

— А что с ним? — Нельсон поддел мизинцем туговатую латунную задвижку и приоткрыл форточку. — Я не в курсе.

Мама демонстративно отвернула нос. Она не любила запах табака, но битва с курением в доме была проиграна миллион сигарет назад.

— Ну как, развод же. Жена требует сатисфакции. Выставила за порог с чемоданчиком. Вознамерилась забрать квартиру. Стервятница, — мама скривилась, точно раскусила горошину перца.

Саввина трехкомнатная квартира на Петроградке, забитая рассыхающимся антиквариатом, определенно заслуживала того, чтобы ее хотеть. Савва рассказывал, что до революции там жил композитор, которого квартира, похоже, до сих пор помнила. Полнилась звуками старой мебели, но дверцы серванта и половицы — не скрипели, нет, — пели в скрипичном ключе на разные голоса. Квартиру не портили даже уродливые шрамы от перегородок: в двадцатые годы пространство произвольно порезали на коммунальные пенальчики, а историческую планировку вернули уже после распада Союза. Сколько было попыток затереть и закрасить рубцы коммунального прошлого (Нельсон пробовал

своими руками), все безуспешно: проходил год — и они вновь проступали.

— У него на нервной почве язва открылась, — вставил отец. — Я его тут устраивал к Леонтьеву на прием. Я ж еще не рассказал тебе, Соня...

— Что?

— «Провенанс» разорился. Закрывают все издательские проекты.

Мама охнула.

— А монография?

— Предложили выпустить за свой счет ограниченным тиражом в какой-то партнерской конторе. Но деньги-то откуда взять? — отец поскреб шею под бородой.

Мама порывисто откинулась, подняв стул на дыбы:

— Столько труда! Десять, пятнадцать лет?..

Дольше, подумал Нельсон. Он учился на втором курсе, когда Савва впервые аккуратно заговорил перед студентами о «прыгинском вопросе» в русском авангарде. Кипы научных статей и одну мучительно защищенную диссертацию спустя теория обросла аргументами, нарастила доказательную базу и окончательно оформилась. Вольдемар Прыгин, один из ярчайших живописцев первой трети двадцатого века, чьи работы висели в музеях Петербурга, Вены и Нью-Йорка, был самозванцем. Точнее, живым псевдонимом, за которым скрывалась его жена Вера Евсеева.

Свою диссертацию Савва переработал в толстенную книгу, которая должна была вскоре явить его сенсационные научные изыскания миру. Именно миру — издатели «Провенанса» имели некоторые связи с британским Palgrave Macmillan. Автор тщеславно и, надо признать, небезосновательно грезил переводами по меньшей мере на английский, а затем, быть может, и на французский на гребне повышенного внимания Запада к женскому искусству, не говоря о неугасающем интересе зарубежных ценителей к русскому авангарду как таковому.

Теперь же, получается, проект всей жизни искусствоведа под угрозой. Нельсон соскользнул с подоконника.

— Дойду до альма-матер, — сообщил он родителям.

* * *

Савву, безусловно, следовало провести, но это подождет.

У Нельсона было дело. Он вытащил из-под матраса оранжевый жилет и затолкал его в рюкзак, где болтались разнокалиберные кисти и шпатели. Почему-то Нельсон так и не вернул спецодежду Юсуфу. Хотя страховку вот сразу занес, как обещал. Он убеждал себя, что это ненадолго, что непременно отдаст, но как-нибудь потом, потом. А еще зачем-то прятал жилет у себя в комнате, точно скрывал от родителей другую, тайную жизнь.

С начала мая, когда Нельсон положил плитку в парадной и обнаружил маскирующее свойство жилета, ему совершенно не сиделось взаперти — ни дома, ни в мастерской. Часами гулял, рассматривал фасады. Внезапно поймал себя на мысли, будто намеренно что-то ищет, приглядывается к незначительным изъянам города: нет ли там рукотворного повреждения, получившегося по человеческой дурости, алчности или просчету, которое можно подремонтировать, как плитку? Вместе с тем он физически не смог бы заделать каждую трещину или закрасить всю нецензурщину на стенах старого фонда. Требовалось нечто штучное, авторское, что ли, с чем бы он справился в одиночку. Но и эффектное, не какая-нибудь мелочь.

И вот вчера в районе улицы Рубинштейна Нельсон нашел, что искал: небольшой — метр на полтора — витраж над входом в жилой дом, щедро, по-советски замазанный масляной краской. И сейчас собирался поближе изучить его с улицы.

Нельсон забрался на высокий колесоотбойник, оставшийся у парадной с тех времен, когда по городу разъезжали